

О. В. Золтнер¹

✉ ovlakor@yandex.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Система вариантов и дериватов синтаксических инвариантов русского простого предложения

Аннотация: Статья посвящена описанию системы вариантов и дериватов исходных предложений, построенных по одной и той же минимальной структурной схеме. Варьирование и деривация, как законы функционирования языковых единиц, реализуются также в синтаксической системе языка. В русском языке существуют приемы варьирования, обеспечивающие приспособление высказывания к условиям текста и коммуникации, а также определенные модели создания производных (дериватов) на основе исходного предложения. Обращение к опыту российских синтаксистов-исследователей В. А. Белошапковой и М. П. Одинцовой позволяет разграничить понятия варьирования и деривации в сфере русского простого предложения, формальных модификаций и регулярных реализаций предложения, которые в русистике не имеют однозначного толкования. Подобные видоизменения исходного предложения следует отличать от модально-временных преобразований (в концепции Н. Ю. Шведовой), которые связаны с категориями наклонения, модальности и времени. При этом каждое предложение предстает в той или иной модально-временной форме, однако не каждое предложение, взятое в контексте, представляет собой вариант или дериват исходного предложения. Возможности для подобных преобразований заложены в потенциале самого предложения, но зависят от многих условий: от характера минимальной структурной схемы, лексического состава компонентов схемы, семантики распространяющих компонентов предложения, их грамматического и валентностного потенциала. На основе парадигматического подхода анализируется возможный состав членов парадигмы формальных модификаций (вариантов) и регулярных реализаций (дериватов) исходного предложения, языкового образца. Автор характеризует особенности каждого члена указанных парадигм, обращая внимание на возможное совмещение в одном предложении нескольких модификационных и деривационных значений. Исследование этих возможностей как в синхронном, так и в диахронном аспектах с точки зрения разных подходов – одна из задач современных лингвистических исследований.

Ключевые слова: синтаксис, парадигма предложения, регулярные реализации, деривационная парадигма предложения, варьирование предложения, формальные модификации, парадигма вариантов предложения.

Дата поступления статьи: 9 марта 2023 г.

Для цитирования: Золтнер О. В. (2023) Система вариантов и дериватов синтаксических инвариантов русского простого предложения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 4, с. 37–47. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.4.4.

Scientific article

O. V. Zoltner¹

✉ ovlakor@yandex.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

The system of variants and derivatives of syntactic invariants of the Russian simple sentence

Abstract: The article is devoted to the description of a system of variants and derivatives of original sentences constructed according to the same minimal structural scheme. Variation and derivation, as the laws of the functioning of linguistic units, are also implemented in the syntactic system of the language. In the Russian language, there are techniques of variation ensuring the adaptation of the utterance to the conditions of the text and communication, as well as certain models for creating derivatives based on the original sentence. Appeal to the experience of Russian syntaxists-researchers

© О. В. Золтнер, 2023

V. A. Beloshapkova and M. P. Odintsova allows us to distinguish between the concepts of variation and derivation in the sphere of Russian simple sentences, formal modifications, and regular implementations of sentences, which in Russian studies do not have an unambiguous interpretation. Such modifications of the original sentence should be distinguished from modal-temporal transformations (in the concept of N. Yu. Shvedova) associated with the categories of mood, modality, and time. At the same time, each sentence appears in one or another modal-temporal form, but not every sentence taken in context is a variant or derivative of the original sentence. The possibilities for such transformations are inherent in the potential of the sentence itself, but depend on many conditions: the nature of the minimal structural scheme, the lexical composition of the components of the scheme, the semantics of the propagating components of the sentence, their grammatical and valence potential. Based on the paradigmatic approach, the possible composition of the members of the paradigm of formal modifications (variants) and regular implementations (derivatives) of the original sentence and the language sample is analyzed. The author characterizes the features of each member of these paradigms, paying attention to the possible combination of several modifications and derivational values in one sentence. The study of these possibilities in both synchronic and diachronic aspects from the viewpoint of different approaches is one of the tasks of modern linguistic research.

Keywords: syntax, sentence paradigm, regular implementations, sentence derivation paradigm, sentence variation, formal modifications, sentence variant paradigm.

Paper submitted: March 9, 2023.

For citation: Zoltner O. V. (2023) The system of variants and derivatives of syntactic invariants of the Russian simple sentence. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 4, pp. 37–47. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.4.4.

Введение

Варьирование – это закон функционирования всех единиц языка, деривация – процесс, охватывающий разноуровневые единицы, которые вступают в отношения для порождения более сложных единиц. Варьирование в языке, согласно одному из определений, связано с представлением «о разных способах выражения языковой сущности как об её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы» (Русский язык, 2020, с. 64), а также характеризует «способ существования, функционирования и эволюции (исторического развития) единиц языка и системы языковой в целом» (Там же), в то время как процессы деривации завершаются не только созданием вторичной, производной, единицы, но и «возникновением особых деривационных отношений между исходным и мотивированным (производными) знаками языка» (Русский язык, 2020, с. 147).

В синтаксисе эти законы были замечены в середине 60-х гг. XX века: Н. Ю. Шведовой было введено понятие «регулярные реализации», В. А. Белошапковой – «формальные модификации» исходного предложения, построенного по определенной минимальной структурной схеме (МСС). Указанные понятия отражают языковые явления варьирования и деривации (в «узком» смысле): к вариативности относятся формальные модификации исходных МСС простых предложений, к деривации – регулярные реализации (дериваты). Системы вариантов (формальных модификаций) и деривационных преобразований предложения образуют соответствующие синтаксические парадигмы. Однако до сих пор в синтаксической науке нет устоявшегося представления как о перечне парадигматических категорий предложения, так и о содержании понятий «синтаксическая вариативность» и «деривация в синтаксисе». Исследователями отмечается недостаточность изученности вопроса о составе парадигматических категорий и собственно типологии синтаксических парадигм [см., напр., (Алдиева, Уружбекова, 2022, с. 391)].

Цель настоящей статьи – представить на основе теорий В. А. Белошапковой и М. П. Одинцовой возможный состав вариантов (модификаций) и дериватов предложений как парадигматических категорий русского простого предложения, а также уточнить понятия варьирования (модификации) и деривации в сфере синтаксиса.

В основе исследования лежит парадигматический подход к описанию явления варьирования и деривации в сфере предложения, разработанный в трудах Н. Ю. Шведовой, В. А. Белошапковой, М. П. Одинцовой, А. М. Ломова и других. При таком подходе исходное предложение, построенное по определенной структурной схеме и не включенное в контекст, понимается как инвариант, а

производные от него предложения – как формы, модификации (варианты) и дериваты в зависимости от организующих этот ряд парадигматических категорий.

Результаты

Обратимся к понятию «парадигма предложения», прежде чем характеризовать отдельные классы этого явления. Говоря о парадигматике в синтаксисе, следует подчеркнуть отличие парадигмы синтаксической от парадигмы морфологической. Как пишет Е. С. Скобликова, «понятие “синтаксических” парадигм существенно отличается от понятия парадигмы “морфологической”. Морфологическая парадигма предполагает строго определенную совокупность регулярных формальных видоизменений практически любого слова, принадлежащего к тому или иному грамматическому классу. Синтаксические парадигмы, определяющие грамматическое своеобразие той или иной функционально-семантической категории, формируются на базе группы слов, характеризующихся общностью лексического значения» (Скобликова, 2012, с. 92). Однако понятие синтаксической парадигмы в трактовке Е. С. Скобликовой не относится к системным видоизменениям предложения, построенного по той или иной структурной схеме: в ее понимании понятие парадигмы ограничивается сферой словоформы (словосочетания), выполняющей ту или иную функцию в составе предложения. Словосочетание в парадигматическом аспекте рассматривает также М. С. Всеволодова (Всеволодова, 2012).

Однако не только словосочетания, но и предложения вступают в системные видоизменения, при этом их «ядро» (структурная схема предикативного центра) остается тождественным: «Каждая структурная схема предложения в конкретных высказываниях может быть представлена в ряде вариантов – в тех или иных модификациях, при которых данная схема не превращается в иную структурную схему, то есть остается тождественной самой себе и выражает тот же самый синтаксический концепт» (Кузьмина, 2010, с. 88).

В сфере синтаксиса предложения хорошо изучены и описаны прежде всего модально-временные формы предложения, однако вопрос о составе иных синтаксических парадигматических рядов остается открытым и дискуссионным, как и понятия парадигмы, варьирования и деривации в сфере синтаксиса: все они требуют детального анализа, разграничения и осмысления в различных аспектах.

Разные стороны исследования трансформаций, модификаций (вариантов, реализаций) предложений различного типа, построенных по определенным схемам, находят свое отражение в работах современных авторов: исследуется специфика проявлений отдельных типов модальности в различных видах дискурса (Шашкова, 2022), анализируются варьирование связочных компонентов в различных типах предложений (Фролова, 2007; Грива, 2019; Некрасова, 2022), модификации структурных схем в предложениях определенной семантики (Али Ради Машд-желль Аль Хаснави, 2021), выявляется типология информации, представленной в полупредикативных конструкциях, производных от монопредикативных единиц (Манаенко, 2017), описываются модификации отдельных структурных и коммуникативных типов простых предложений (Лекант, 2017; Токтарова, 2017; Канафьева, 2021), разграничиваются синонимические и парадигматические варианты отдельных синтаксических конструкций (Южакова, 2020).

Итак, вернемся к исходному тезису: помимо изменений модально-временного плана, связанных с категориями модальности, наклонения и времени предложения, исходное предложение может претерпевать изменения иного характера – изменения, связанные с изоморфными отношениями в языковой системе, а именно с варьированием и деривацией.

Отмечая изменения, не связанные с разграничением модально-временных категорий предложения, Н. Ю. Шведова вела понятие «регулярные реализации», однако она вкладывала в него иное синтаксическое содержание, чем В. А. Белошапкина и М. П. Одинцова: в ее понимании подобные преобразования имеют и деривационный, и вариативный характер. «Помимо парадигматических изменений, т. е. образования форм, простое предложение регулярно претерпевает изменения, связанные, во-первых, с возможностями полного или неполного представления его элементарной грамматической структуры (заполненность или незаполненность места того или

иногo компонента структурной схемы предложения); во-вторых – для двукомпонентных предложений – с введением разных видов связок и связочных образований, которые, как правило, способны вносить уточнения в синтаксическое отношение между главными членами; в-третьих, с введением так называемых полузнаменательных (неполнознаменательных) глаголов, дополняющих значение предикативного признака значением непостоянного существования, перехода из одного состояния в другое, обнаружения, становления, исчезновения; в-четвертых, с замещением позиции компонента схемы какой-либо грамматической формой или конструкцией» (Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 120). Как видно из этого описания сущности регулярных реализаций, Н. Ю. Шведова относила к ним такие системные видоизменения, которые связаны как с отсутствием видоизменения структурной схемы предложения (это неполные и связочные регулярные реализации), так и такие, что связаны с введением глагольного компонента, изменяющего строение структурной схемы и осложняющего семантическую структуру предложения введением указания на аспект протекания действия (с точки зрения фазисности, повторяемости, авторизации, обнаружения признака и под.). Таким образом, в понимании Н. Ю. Шведовой регулярные реализации представляют собой синкретичные системные видоизменения исходных вариантов предложений, объединяющие в себе и деривационные, и модификационные преобразования. Регулярные реализации выведены из сферы парадигматики предложения, так как в парадигму предложения, по мнению Н. Ю. Шведовой, включаются только модально-временные изменения.

Варьирование предложения в широком смысле интерпретировано в теории А. М. Ломова. Как отмечает исследователь, предложения в целях обеспечения «живого контакта с действительностью» «должны быть предельно гибкими и обладать способностью варьироваться по целому ряду параметров (Ломов, 1994, с. 51). К синтаксическим (и отчасти морфологическим) категориям, которые параметризуют предложение и приводят к речевому варьированию, А. М. Ломов относит категории утверждения – отрицания, наклонения и времени, актуальности – потенциальности, интегральности – фазисности. Им выделяется также варьирование прагматического свойства: по цели сообщения, по способу «эшелонирования» информации (тема-рематическое членение высказывания), эмоционально-экспрессивные модификации. Как мы видим, любые видоизменения – и системные, и контекстные – относятся исследователем к фактам варьирования исходного образца (инварианта) предложения.

Отметим, что в современной синтаксической литературе нередко используется также термин «модификация» по отношению к любым преобразованиям исходного предложения, например: «Под модальными модификациями понимается преобразование предложения в рамках одной структурной схемы, при котором меняется его модальность» (Грива, 2019, с. 69). Однако мы придерживаемся разграничения понятий «формальная модификация» (явление варьирования предложения) и «регулярная реализация» (явление деривации предложения). В концепциях В. А. Белошапковой и М. П. Одинцовой, демонстрирующих широкое понимание парадигмы предложения, эти синтаксические явления – варьирование и деривация – относятся к разным парадигматическим категориям, к разным планам синтаксических видоизменений, потому что они воплощают собой разные языковые закономерности и процессы.

Рассмотрим более подробно явление синтаксической вариативности и деривации в системе русского синтаксиса с точки зрения подходов В. А. Белошапковой и М. П. Одинцовой.

Варьирование исходного предложения (инварианта), построенного по одной из структурных схем и обладающего определенной семантической структурой (содержанием), связано с приспособлением к контексту, причем это приспособление может быть связано со структурой предложения / текста (т. е. это формальное варьирование), экспрессивной окраской, эмоциями, которые выражает говорящий (стилистическое варьирование), изменением целеустановки говорящего (коммуникативное варьирование). При этом, в отличие от деривационных преобразований (регулярных реализаций), в предикативной основе предложения не происходит формального изменения схемы или приращения смысла (значения).

В. А. Белошапкова к подобным видоизменениям относит такие изменения схем, которые не несут «дополнительных значений и сопровождаются лишь изменением экспрессивно-стилистической окраски» (Белошапкова, 1999, с. 753), при этом наблюдается изменение состава предложения. Это формальные модификации:

1) определенно-личная: *Я иду в магазин.* – *Иду в магазин:* из состава предложения «выводится» позиция подлежащего из-за ее избыточности, что характерно для двусоставных предложений с личным местоимением 1-2 лица в позиции подлежащего. Традиционно такие предложения интерпретируются как определенно-личные;

2) связочная: *Уметь петь – прекрасно.* – *Уметь петь – это прекрасно:* в состав предложения с составным сказуемым вводится указательное слово («связка»), которое не изменяет характер схемы, но подчеркивает семантику сказуемого.

Как мы видим, В. А. Белошапковой было выявлено всего 2 модификационных изменения, которые носят формальный характер, однако М. П. Одинцова, разделяя указанный подход и развивая теорию синтаксической вариативности, предложила следующее понимание варьирования предложения и свой перечень (парадигму) вариантов исходного предложения:

«Варианты простого предложения – это такие изменения формы и значения простого предложения, которые не затрагивают постоянных признаков структурной схемы, по которой построено предложение (набора компонентов, синтаксического значения, значения схемы в целом, грамматических характеристик компонентов)» (Коротун (Золтнер), Одинцова, 2015, с. 67–68).

Подобные изменения имеют экспрессивно-стилистический характер, т. е. «варианты предложений возникают для стилистической или коннотативной дифференциации высказываний в различных условиях общения» (Там же). При этом сохраняется тождество минимальной структурной схемы, объективное содержание предложения не меняется, но оно может прирастать новыми смыслами, например, в случае введения обособленных членов предложения и иных конструкций, вводящих дополнительную информацию в предложение. К тому же происходит актуализация в содержании предложения того, что важно для говорящего в конкретных обстоятельствах.

Варьирование инварианта, таким образом, «способствует приспособлению предложения к контекстуальному окружению или к той ситуации, в которой используется предложение» (Там же).

Перечень вариантов (формальных модификаций) русского простого предложения на основе концепции М. П. Одинцовой может быть представлен следующим списком:

1) неполнота, эллиптичность простого предложения: в исходном языковом образце имеются все необходимые компоненты для реализации основных его функций, но в речевой ситуации некоторые компоненты могут быть не использованы: *Она устремилась на улицу, он – за нею.* Эллипсис – один из приемов речевого варьирования. Если всё ситуативно известно, то проявляется закон экономии речевых усилий – известные компоненты не называются: *Пройдёмте...; Я надену белый костюм, а ты – синий;* неполнота исходного предложения может быть связана с тем, что оно становится частью сложноподчиненной предикативной единицы: *Я чувствую, что скоро наступят перемены;*

2) добавление частиц, усиливающих смысл высказывания (или отдельных его компонентов), подчеркивающих оттенки смысла, вносящих эмоциональную окраску: *Она его не жалеет.* – *Она ничуть его не жалеет; Лето прошло.* – *Вот и лето прошло;*

3) добавление междометий, выражающих эмоциональное отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, или его эмоциональную реакцию на происходящее: *Хорошо.* – *Ах, как хорошо!; Платье.* – *Боже, какое платье!;*

4) придание эмоциональной окраски исходному предложению, вследствие чего изменяется интонационная конструкция, смещается логический акцент, что в устной речи выражается разнообразными ритмико-мелодическими средствами, а на письме оформляется знаками препинания или специальными графическими средствами: *Он замечательный человек.* – *Он замечательный человек!;*

5) изменение целеустановки с повествовательной на вопросительную, причем это изменение может касаться как всего содержания предложения, так и его отдельных аспектов: *Он придет завтра. – Он придет завтра?; Он придет именно завтра?;*

6) замена нейтральных форм экспрессивными (например, использование междометий в предикативной функции, переносного употребления глагольных форм, замена свободных сочетаний связанными и т. п.): *Татьяна – ах...; А она – бежать; Беречь как зеницу ока;*

7) инверсия, связанная с изменением прямого порядка слов, характерного для исходного предложения, в коммуникативных и/или стилистических целях: *Белеет парус одинокий в тумане моря голубом* (М. Ю. Лермонтов) (ср. с прямым порядком слов: *Одинокий парус белеет в голубом тумане моря*);

8) опущение подлежащего – местоимения 1 или 2 лица – вследствие его избыточности: *Не жалею, не зову, не плачу* (С. А. Есенин); *Приходи сегодня вечером в гости;*

9) осложнение: введение обособленных членов предложения, однородных рядов, которые повышают информационный потенциал предложения, углубляют его содержание, а в случае с обособленными членами предложения – осложняют его строение введением разных типов дополнительной предикативности: *На небе ни тучки. – На небе, розовом от заката, ни тучки, ни облачка;*

10) введение компонентов, грамматически не связанных со структурой предложения (вводных и вставных конструкций, обращений, этикетных формул), которые выражают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, называют адресата, если это требуется коммуникативной ситуацией, или реализуют этикетные формулы, характерные для определенных этикетных жанров: *На улице холодно. – Кажется, на улице холодно; Подойди ко мне. – Подойди, пожалуйста, ко мне.*

Как уже видно из приведенных в перечне вариантов предложений примеров, в предложении могут совмещаться различные приемы варьирования (модификации). Например, при образовании вопросительной модификации изменение интонации может сопровождаться одновременным введением специальных вопросительных слов и изменением словопорядка (инверсией): *Он придет завтра. – Придет ли он завтра?;* изменение эмоциональной окраски может сопровождаться изменением интонации предложения, введением междометий, частиц, опущением подлежащего: *Я люблю тебя. – Ах, как люблю тебя!*

Следует отметить, что подобные совмещения невозможны в рамках модально-временной парадигмы: любое предложение используется только в одной из модально-временных форм. Однако важно отметить и следующее соотношение: если любое предложение имеет определенную модально-временную форму, т. е. является тем или иным членом модально-временной парадигмы, то варьирование и деривация отнюдь не обязательны для предложения: далеко не каждое предложение представляет собой вариант и/или дериват инварианта.

Парадигму предложения как систему его деривационных соотношений описывает В. А. Белошапкова. От формальных изменений предложений, построенных по одной и той же структурной схеме, следует отличать ее системные изменения, не связанные с выражением предикативности, – регулярные реализации. Само понятие регулярных реализаций ввела, как уже было сказано выше, Н. Ю. Шведова, но подробно разработала В. А. Белошапкова, которая вкладывала в этот термин иное синтаксическое содержание.

Итак, с точки зрения В. А. Белошапковой, регулярные реализации – это такие видоизменения структурной схемы предложения, которые не нарушают ее тождества, они не вызываются контекстом или ситуацией: регулярные реализации образуются или незамещением компонента структурной схемы, или введением в схему дополнительного компонента, или замещением компонента схемы семантически однородным элементом, имеющим другую форму; видоизменение структурной схемы предложения при образовании регулярной реализации сопровождается определенным системным изменением содержания предложения – осложнением его смысла. При этом сохраняется без изменения всё объективное содержание предложения. Почему подобные видоизменения относятся именно к деривационным? В этом случае обнаруживается аналогия с деривационными процессами, характеризующими процесс модификационного сло-

вообразования: от исходной основы (например, *горшок*, *дом*) образуется дериват, имеющий тот же денотат, но прирастающий определенным смыслом (например, *горшочек*, *домище*). Происходит изменение, как пишет В. А. Белошапкина, «на заданную величину» (Белошапкина, 1999, с. 752–753). Таким образом, регулярные реализации не являются формальными модификациями, не связаны с контекстом или изменением эмоционально-оценочного комплекса.

Набор регулярных реализаций образует деривационную парадигму предложения. В. А. Белошапкина выделяет 6 регулярных реализаций (Белошапкина, с. 754–758):

- 1) обобщенно-личную: *Я на всех не угожу.* – *На всех не угодишь;*
- 2) фазовую: *Я пишу роман.* – *Я начинаю, продолжаю, заканчиваю писать роман;*
- 3) модальную: *Я пишу роман.* – *Я хочу, могу, должен, намерен писать роман;*
- 4) полусвязочную: *Она красавица.* – *Она казалась, являлась, показалась, бывала красавицей;*
- 5) количественную: *Шум. Свет.* – *Шуму! Свету!;*
- 6) отрицательную: *Мама дома.* – *Мамы нет дома.*

М. П. Одинцова, развивая теорию В. А. Белошапкиной, уточняет понимание синтаксической деривации. По ее мнению, дериваты в синтаксисе – это изменения исходных образцов синтаксической системы, но более существенные, чем модификации, а именно: при деривации несколько изменяется значение исходной структурной схемы и меняется сама форма. Эти изменения осуществляются по правилам (регулярны), дают всегда «заданную величину». Значение дериватов отличается от содержания исходного предложения оттенками, частными значениями, которые можно описать в виде системы, или перечня, т. е. подвергается типизации. Они абстрактны, встречаются во множестве высказываний. Деривационные изменения не зависят от контекста и по большей части лишены экспрессивности (Коротун (Золтнер), Одинцова, 2015, с. 69). Процесс деривации в синтаксисе аналогичен процессам лексической деривации: один из членов ряда является производным от другого. При этом производное отличается от производящего большей семантической сложностью и большей формальной сложностью (содержит «формант» – показатель деривации) (Одинцова, 2005, с. 45).

М. П. Одинцова уточняет перечень дериватов русского предложения, который в ее концепции выглядит следующим образом:

- 1) глагольно-связочные дериваты:

а) фазисный (обозначает один из аспектов развивающегося события с точки зрения его начала, продолжения или окончания), при этом происходит усложнение и осложнение исходной МСС, например: $N1Vf^1 \rightarrow N1Vf\text{фазис}Inf$: *Он читает.* → *Он начинает читать, продолжает читать, заканчивает читать; Она занимается художественной гимнастикой.* → *Она бросила заниматься художественной гимнастикой; День тёплый.* → *День становится тёплым;*

б) модальный: *Он ловит рыбу.* → *Он любит ловить рыбу.* Перед нами деривационное усложнение и осложнение исходной МСС, например: $N1Vf \rightarrow N1Vf\text{модал}Inf$. Модальная деривация аналогична фазисной, но богаче модальными лексемами: *мочь, уметь, хотеть, должен, обязан, готов, намерен, расположен, любить, охотник, мастер, любитель и под.;*

2) связочные (полусвязочные) дериваты: происходит замена бытийной связки на необытийную, например: $N1\text{Corp}fN1/5 \rightarrow N1Vf\text{связоч} N1/5$:

а) *Она актриса* → *Она слы́ёт хорошей актрисой* (оценочно-субъектный элемент, чья-то точка зрения – дериват авторизации);

б) *Дни пасмурные* → *Дни бывают пасмурные* (дериват повторяемости);

в) *Зверь на опушке* → *Зверь показался на опушке* (дериват обнаружения, появления, проявления предикативного признака);

г) *Он спокойный* → *Он сидит спокойный* (дериват движения, состояния);

3) количественные дериваты: возникает изменение формы $N1$ на $N2$, при этом происходит усложнение семантики предложения – добавляется количественный компонент: *Вода.* → *Воды-то!* ($\text{Corp}fN1 \rightarrow \text{Corp}fN2$); *Дрова заготовлены.* → *Дров заготовлено!* ($N1\text{Corp}f1/5N1/5 \rightarrow N2\text{Corp}f3s/n\text{Adj}fsn$ – межсхемная деривация);

¹Здесь и далее минимальные структурные схемы предложений указаны по списку В. А. Белошапкиной.

4) партитивные дериваты характерны для высказываний о человеке, в них происходит замена наименования целостного человека на элемент (компонент), его замещающий: *Он улыбается* → *Глаза его улыбаются*; *Он страдает* → *Душа его страдает*. Этот тип деривационного преобразования носит лексико-грамматический характер, так как грамматическая форма основного компонента остается той же, однако практически всегда сопровождается зависимым компонентом со значением принадлежности, а сам партитивный компонент употребляется в значении целого на основе метонимического переноса.

Стоит отметить, что в этом перечне отсутствует обобщенно-личная регулярная реализация, выявленная В. А. Белошапковой. Мы считаем, что подобная трансформация входит в перечень дериватов, так как отвечает всем параметрам деривационных преобразований: происходит и структурное изменение, и синтаксическое осложнение на «заданную величину», ср.: *Вечно я тебя жду*. – *Вечно тебя ждёшь*. Формантом в этом случае выступает изменение формы предиката с 1-го лица на 2-е, сопровождающееся модификацией значения: действие, обозначенное предикатом, относится уже не к конкретному лицу и конкретной ситуации, а обобщает опыт этого лица и свидетельствует о повторяемости подобных действий. В традиционной теории подобные предложения рассматриваются как разновидность односоставных предложений.

Поясним на примере фазисных и модальных дериватов сущность деривационного преобразования исходного предложения (инварианта, языкового образца).

При фазисной деривации спрягаемый глагол принимает форму инфинитива, т. е. $V_f \rightarrow Inf$, лексико-грамматическим формантом этого деривата является фазисный глагол. От любого предложения, построенного, например, по схеме $N1V_f$, можно образовать трехэлементную модель, в которой $V_f \rightarrow Inf$, образуя неделимое предикативное сочетание (составное глагольное сказуемое) фазисного глагола с инфинитивом. Фазисные дериваты можно образовать от 1-го номинативного блока (по списку схем В. А. Белошапковой), например: *Он был учёным*. – *Он остаётся учёным* ($N1Cопf1/5N1/5 \rightarrow N1CопфазисN1/5$). – *Он продолжает быть учёным* ($N1Cопf1/5N1/5 \rightarrow N1VфазисCопf1/5InfN1/5$).

Таким образом, фазисные дериваты образуются с помощью вспомогательного глагола соответствующей семантики (чему сопутствует преобразование основного глагола в инфинитив) или заменой бытийной связки на фазисную в именном сказуемом (с сопутствующим преобразованием связочного компонента).

Фазисные дериваты возможны и у однокомпонентных схем, в таком случае происходит видоизменение предикативного центра предложения: вводится фазисный глагол в спрягаемой форме, соответствующей форме исходного глагола, при этом исходный глагол принимает форму инфинитива, а в связочных схемах фазисный глагол занимает место бытийного глагола в той же самой грамматической форме: *Светаёт*. → *Начинает светать* ($Vfz_s/n \rightarrow Vfz_s/nфазис Inf$); *Было тихо*. → *Стало тихо* ($Cопz_s/nAdjfsn \rightarrow Cопz_s/nфазисAdjfsn$); *Стучат*. → *Продолжают стучать* ($Vfzpl \rightarrow Vplфазис Inf$).

В инфинитивном блоке схем (по списку В. А. Белошапковой) тоже возможны фазисные дериваты, при этом фазисный глагол вводится в спрягаемой форме, а связка, при необходимости, употребляется в форме инфинитива; именная часть предикативного центра принимает форму Тв. падежа ($N1 \rightarrow N5$): *Учиться трудно*. → *Учиться продолжает быть трудно*; *Учиться было трудно*. → *Учиться стало трудно*; *Учиться – большой труд*. → *Учиться продолжает быть большим трудом*. Все инфинитивные схемы книжные (книжного стиля), поэтому они сами по себе ограничены.

Фазисная деривация носит системный характер, охватывает практически все предложения, но возможность их образования проверяется эмпирическим путем, т. к. возможна частичная нерегулярность фазисных преобразований исходных МСС: возможность или невозможность образования фазисного деривата связана с лексической семантикой предиката в производящей схеме, а также с его грамматическим значением, например, предикаты совершенного вида не допускают фазисного преобразования.

Модальная деривация дает много составных сказуемых; модальность в этом случае носит лексико-грамматический характер, так как вносит определенный семантический оттенок в предложение. Этот процесс зависит от лексического состава предложения и лексической сочетаемости его компонентов. Модальные дериваты образуются от глагольных, именных форм, т. е. от схем одно- и двухкомпонентных блоков: *Звонят.* → *Хотят звонить* ($Vfzpl \rightarrow Vpl\text{модал}Inf$); *Кататься весело.* → *Кататься нужно весело* ($InfCopfAdjf1/5 \rightarrow Inf\ Cop\ fAdj\text{модал}Adjpred$).

Схема *Inf* (*Учиться, учиться и учиться, Стоять, Светить, Мне бы жить*) вступает в особые деривационные отношения при образовании модальных дериватов: в этом случае возникает межсхемная деривация, т. к. синтаксическая система русского языка позволяет продублировать модальные оттенки значений схемы *Inf* двухкомпонентными схемами: *Жениться.* → *Нужно жениться* ($Inf \rightarrow InfCopfAdjf1/5$); *Учиться* → *Наш долг – учиться* ($Inf \rightarrow N1CopfN1/5$).

Таким образом, модальная деривация так же, как и фазисная, носит системный характер, однако при этом охватывает все предложения, но возможность образования модальных дериватов связана прежде всего с характером протекания действия и точкой зрения говорящего на этот процесс: именно говорящий определяет характеристику предикативного признака с точки зрения его желательности / нежелательности, возможности / невозможности, обязательности, вынужденности и т. п.

Так же, как и в случае с варьированием предложения, в сфере деривации предложения возможно совмещение различных регулярных реализаций: *Он продолжает хотеть быть спортсменом* (совмещение фазисной и модальной деривации); *Она стала казаться ему совсем одинокой* (совмещение фазисной и связочной / полусвязочной деривации). Более того, могут совмещаться модификационные и деривационные планы в содержании и структуре предложения: *Он продолжает хотеть быть спортсменом, выигрывающим любое соревнование* (совмещение фазисной и модальной деривации с осложнением полупредикативной конструкции).

Выводы

Таким образом, синтаксическая система русского языка обладает разнообразными возможностями для трансформаций исходного предложения деривационного и вариативного характера, что обеспечивает гибкость самой системы и высокий уровень ее функциональности.

Основываясь на концепции М. П. Одинцовой, развивающей взгляды В. А. Белошапковой на природу варьирования и деривации в сфере синтаксиса, мы приходим к выводу, что парадигматический ряд вариантов предложений включает 10 членов, а парадигматический ряд дериватов предложений – 5 членов, каждый из которых имеет свои разновидности, представленные разными формами реализации трансформационных значений. Эти парадигматические ряды потенциально открыты, не являются замкнутыми системами, более того, в одном предложении могут как совмещаться, так и пересекаться разные вариативные и деривационные формы и значения.

Количество дериватов и вариантов исходного предложения зависит от многих факторов: от характера минимальной структурной схемы, от распространенности исходного предложения, от лексического состава и семантики предикативного центра и под. Исследование этих возможностей, как в синхронном, так и в диахронном аспектах, – одна из задач современных лингвистических исследований. Требуют своего продолжения проработка вопросов парадигматики в сфере синтаксиса, уточнение понятий «регулярная реализация» и «формальная модификация», «вариант» и «дериват» исходных языковых образцов предложений, так же как и сам перечень вариантов и дериватов исходного предложения. Исследование возможностей каждого из членов выявленных синтаксических парадигм с точки зрения различных подходов (структурно-семантических, когнитивных, дискурсивных) – перспективное поле деятельности лингвиста.

Источники

Алдиева М. Ш., Уружбекова М. М. (2022) К вопросу о видах синтаксических парадигм. Мир науки, культуры, образования, № 5, с. 390–392.

- Али Ради Машджель Аль Хаснави (2021) Модификации структурной схемы «кто/что проявляет себя как», репрезентирующие синтаксическое поле «цвет». Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика, т. 18, №1, с. 5–10. DOI: 10.14529/ling210101.
- Белошапкина В. А. (1999) Синтаксис. В кн.: Современный русский язык. Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений. В. А. Белошапкина, Е. В. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапкиной. М., Азбуковник, с. 606–904.
- Всеволодова М. В. (2012) Словосочетание в новой парадигме грамматики. Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, № 1, с. 7–40.
- Грива О. Е. (2019). Лексико-грамматические параметры сочетаемости модальных компонентов (на примере модального глагола мочь и модальной связки считаться). Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки, № 6, с. 69–77. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.69.
- Канафьева А. В. (2021) Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке. Верхневолжский филологический вестник, № 1, с. 66–73. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-67-73.
- Коротун (Золтнер) О. В., Одинцова М. П. (2015) Синтаксис современного русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Омск, Изд-во ОмГУ. 234 с.
- Кузьмина С. Е. (2010) Вариативность структурной схемы предложения (на материале английского языка). Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение, № 13, с. 88–93.
- Лекант П. А. (2017) Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке. Вестник Московского областного государственного университета. Сер. Русская филология, № 4, с. 18–25. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-18-25.
- Ломов А. М. (1994) Типология русского предложения. Воронеж, Изд-во ВГУ, 280 с.
- Манаенко Г. Н. (2009) Эволюция теории осложненного предложения: от взглядов А. А. Потебни и А. М. Пешковского до когнитивной лингвистики. В кн.: Новое в славянской филологии: Сб. статей. Отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь, РИБЭСТ, с. 39–50.
- Манаенко Г. Н. (2017) Соотношение единиц информации и единиц языка. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, № 1, с. 30–35.
- Некрасова И. М. (2022) Семантика составного именного сказуемого с позиционными связками (сопоставительный аспект). Вестник Томского государственного университета. Филология, № 79, с. 84–108. DOI: 10.17223/19986645/79/5.
- Одинцова М. П. (2005) Общие и частные вопросы синтаксической теории. Монография. Омск, Омск. гос. ун-т, 128 с.
- Русская грамматика (1980). Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М., Наука, 709 с.
- Русский язык : Энциклопедия (2020). Ин-т рус. яз. Им. В. В. Виноградова РАН; Под общ. ред. А. М. Молдована. М., АСС-ПРЕСС ШКОЛА, 904 с.
- Скобликова Е. С. (2012) О некоторых видах синтаксических парадигм и их природе. Вестник Самарского государственного университета, № 2/1, с. 92–98.
- Токтарова Н. К. (2015) Место восклицательного предложения среди других коммуникативных типов предложения. Системные технологии, № 15, с. 82–88.
- Фролова И. И. (2007) Модификация бытийного компонента в двусоставных предложениях со значением признака. Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 10, с. 38–43.
- Шашкова В. Н. (2022) Специфика проявлений модальных значений необходимости и возможности в профессиональном юридическом дискурсе. Вестник Томского государственного университета. Филология, № 75, с. 245–262. DOI: 10.17223/19986645/75/12.
- Южакова Ю. А. (2020) К вопросу о синтаксической синонимии и парадигме предложения. Филологические науки. Научные доклады высшей школы, № 2, с. 26–32.

References

- Aldieva M. Sh., Uruzzbekova M. M. (2022) K voprosu o vidakh sintaxicheskikh paradigm [On the question of the types of syntactic paradigms]. Mir nauki, kultury, obrazovaniya – The world of science, culture, education, no. 5, pp. 390–392 (In Russian).
- Ali Radi Mashdzhel Al Khasnavi (2021) Modifikatsii strukturnoy skhemy “kto/chto proyavl’ayet seb’a kak”, reprezentiruyushchiye sintaxicheskoye pole “tsvet” [Modifications of the block diagram “who/what manifests itself as”, representing the syntactic field “color”]. Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Linguistics Series, vol. 18, no. 1, pp. 5–10. DOI: 10.14529/ling210101 (In Russian).
- Beloshapkova V. F. (1999) Sintaxis [Syntax]. In: V. A. Beloshapkova, E. V. Bryzgunova, E. A. Zemskaya, etc. Sovremenny russkiy yazyk [Modern Russian]. Textbook for philological specialties of Higher educational institutions. Editor-in-chief V. A. Beloshapkova. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 606–904 (In Russian).
- Frolova I. I. (2007) Modifikatsiya bytiynogo komponenta v dvusostavnykh predlozheniyakh so znacheniyem priznaka [Modification of the existential component in two – part sentences with the sign value]. Tambov University Review. Series: Humanities, iss. 10, pp. 38–43 (In Russian).

- Griva O. E. (2019) Lexico-grammaticheskiye parametry cochetayemosti modal'nykh komponentov (na primere modal'nogo glagola moch i modal'noy sv'azki schitat's'a) [Lexico-grammatical parameters of the compatibility of modal components (using the example of the modal verb мочь and the modal bundle считаться)]. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences", no. 6, pp. 69–77. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.69 (In Russian).
- Kanafyeva A. V. (2021) Voprositel'nyye modifikatsii odnosostavnykh i dvusostavnykh predlozheniy v sovremennom russkom yazyke [Interrogative modifications of one- and two-part sentences in modern Russian]. Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik – Verkhnevolzhskiy Philological Bulletin, no. 1, pp. 66–73. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-67-73 (In Russian).
- Korotun (Zoltner) O. V., Odintsova M. P. (2015) Suntaxis sovremennogo russkogo yazyka [Syntax of the modern Russian language]. A textbook for students of higher educational institutions.]. Omsk, Publ. of Omsk State University, 234 p. (In Russian).
- Kuz'mina S. E. (2010) Variativnost' strukturnoy skhemy predlozheniya (na materiale angliyskogo yazyka) [Variability of the structural scheme of the sentence (based on the material of the English language)]. Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology and Art history series, no. 13, pp. 88–93 (In Russian).
- Lekant P. F. (2017) Bezlichno-infinitivnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [Impersonal-infinitive sentences in modern Russian]. Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow Regional State University. Russian Philology Series, no. 4, pp. 18–25. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-18-25 (In Russian).
- Lomov A. M. (1994) Tipologiya russkogo predlozheniya [Typology of the Russian sentence]. Voronezh, Publ. of Voronezh State University, 280 p. (In Russian).
- Manayenko G. N. (2009) Evol'utsiya teorii oslozhn'onnogo predlozheniya: ot vzgl'adov A. A. Potebni i A. M. Peshkovskogo do kognitivnoy lingvistiki [Evolution of the theory of the complicated sentence: from the views of A.A. Potebni and A.M. Peshkovsky to cognitive Linguistics]. In: Novoye v slavznskoj filologii [New in Slavic philology]. A collection of articles. Responsible Editor M. V. Pimenova. Sevastopol, RIBEST Publ., pp. 39–50 (In Russian).
- Manayenko G. N. (2017) Sootnosheniye edinits informatsii i edinits yazyka [The ratio of information units and language units]. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, no. 1, pp. 30–35 (In Russian).
- Nekrasova I. M. (2022) Semantika sostavnogo imennogo skazuyemogo s pozitsionnymi sv'azkami (sopostavitel'nyy aspekt) [Semantics of a compound nominal predicate with positional connectives (comparative aspect)]. Tomsk State University Journal of Philology, no. 79, pp. 84–108. DOI: 10.17223/19986645/79/5 (In Russian).
- Odintsova M. P. (2005) Obshchiye i chastnyye voprosy sintaxicheskoy teorii [General and particular issues of syntactic theory]. Monograph. Omsk, Publ. of Omsk State University, 128 p. (In Russian).
- Russkaya grammatika (1980) [Russian Grammar]. Editor-in-chief N. Yu. Shvedova, vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 709 p. (In Russian).
- Russkiy yazyk : Encyklopediya (2020) [Russian language : Encyclopedia]. Editor-in-chief A. M. Moldovan. Moscow, ASS-PRESS SHKOLA Publ., 904 p. (In Russian).
- Shashkova V. N. (2022) Spetsyfica proyavleniy modal'nikh znacheniy neobkhodimosti i vozmozhnosti v professional'nom yuridicheskom diskurse [The specifics of the manifestations of the modal meanings of necessity and possibility in professional legal discourse]. Tomsk State University Journal of Philology, no. 75, pp. 245–262 (In Russian).
- Skoblikova E. C. (2012) O nekotorykh vidakh sintaxicheskikh paradig i ikh prirode [About some types of syntactic paradigms and their nature]. Vestnik of Samara State University, no. 2/1, pp. 92–98 (In Russian).
- Toktarova N. K. (2015) Mesto vosklitsatel'nogo predlozheniya sredi drugikh kommunikativnykh tipov predlozheniya [The place of an exclamation sentence among other communicative sentence types]. System technologies, no 15, pp. 82–88 (In Russian).
- Vsevolodova M. V. (2012) Slovosochetsniye v novoy paradigme grammatiki [A phrase in a new grammar paradigm]. Moscow University Philology Bulletin, no. 1, pp. 7–40 (In Russian).
- Yuzhakova Yu. A. (2020) K voprosu o sintaxicheskoy sinonimii i paradigme predlozheniya. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, no. 2, pp. 26–32 (In Russian).

Информация об авторе

Золтнер Ольга Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций. Омский
государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-5445-5807.
E-mail: ovlakor@yandex.ru

Autor's information

Ol'ga V. Zoltner

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the
Department of Russian Language, Literature and
Document Communications. Dostoevsky Omsk
State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-5445-5807.
E-mail: ovlakor@yandex.ru